

---

*М.А. Рогинская,
кандидат социологических наук,
адъюнкт Института философии
и социологии Краковского педагогического
университета, Польша*

СМЫСЛ МИРА И ЧЕЛОВЕКА. НАУКА И РЕЛИГИЯ В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ

Введение

Макс Вебер писал в свое время о свойственном человеку глубинном ощущении бессмысленности, лежащей в основе мироздания. Этому чувству, по мнению социолога, эффективно противостоит религия. Именно она наделяла космос понятным для верующего смыслом и целью, пока ее упадок – и «расколдовывание» космоса – не лишил его уверенности, что земные труды и страдания не напрасны. В результате процессов модернизации и секуляризации вселенная Нового времени, описанная холодным языком науки, утратила телеологическое измерение и эсхатологическое обетование [15, 127].

Вебер не первый обратил внимание на то, что экзистенциальная драма современного человека разворачивается на фоне природы, понимаемой в естественнонаучных категориях. Современники и последователи этого ученого вполне разделяли его постпросвещенческое убеждение, что по мере развития научного знания религия будет терять свое значение. Такой взгляд на науку хорошо укладывается не только в веберовскую концепцию расколдовывания мира, но и в теорию секуляризации 60-х годов XX века, а в большей степени сохраняется в академическом дискурсе и по сей день. Наш анализ относится к тезису о секуляризирующем влиянии науки как наиболее общему теоретическому обоснованию поставленных в статье исследовательских задач.

Хотя Вебер привнес в социологию интерес к сфере значения и смысла, далее вопрос о смыслообразующем факторе в процессах секуляризации получил функционалистское осмысление. Сегодня попытки объяснить, что в современных обществах происходит со сферой религиозного смысла, чаще всего оперируют представлением о способности религии упорядочивать индивидуальный и социальный опыт, наделяя действительность значением [2, 3, 4, 7].

Религии предлагают законченные смысловые системы или, говоря языком Питера Бергера, символические универсумы, содержащие взаимосвязанные объяснения мира.

Традиционные целостные картины мира в современном обществе, с его культурным плюрализмом, системной дифференциацией и индивидуализмом, наиболее подвержены распаду. И если их уязвимость ни у кого не вызывает сомнений, то наше знание конкретных эмпирических процессов, связанных с этим распадом, продолжает быть крайне недостаточным. Что именно происходит на микро- и мезоуровне в социуме, который не предлагает более ответов на универсальные вопросы? Каким именно образом человек наделяет значением действительность, на чем строит понимание собственной жизни и мироздания в целом? Хотя, по мнению некоторых авторов, распад становится началом рекомпозиции в культуре ее ключевых смысловых систем [6], мы все еще не вполне изучили отвечающие за это механизмы.

Еще менее понятна роль, которую играют в этом отношении наука и научное описание мира, а также их культурное «эхо», с которым имеет дело социальное воображение современного человека. Тема смысла в контексте науки и религии активно обсуждается в интеллектуальных дискуссиях последних лет (инициированных, например, «Новым атеизмом»), однако эта оптика весьма неохотно применяется религиоведами. Несмотря на то, что для большинства из них очевидно цивилизационное влияние науки на современное общество, а некоторые видят в ней одну из основных причин упадка институционального христианства, в Западной Европе практически отсутствуют эмпирические исследования явлений, происходящих на стыке экзистенциального, религиозного и научного поиска.

Совершенно понятно, что нарисованная проблематика имеет свою локальную специфику и зависит от культурного контекста. Далее мы обсуждаем ее в эмпирическом – социологическом – ключе на материале Центральной Европы (Польша). В качестве объекта исследования рассматривается польское научное сообщество (физиков и биологов), которое выбрано как группа, вовлеченная в ежедневную научно-исследовательскую деятельность. Проследим далее, как научная и религиозная рефлексии взаимодействуют в экзистенциальных размышлениях ученых, принимая участие в построении индивидуальных нарративов о смысле жизни и мироздания.

Амальгамная концепция смысла

Дискуссия о смысле мира и человека часто упирается в основной вопрос: что мы понимаем под смыслом? В социологической, психологической и философской литературе можно выделить три основные линии рассуждения на эту тему. Первая, наиболее характерная для психологии, подчеркивает аспект опыта – переживания осмысленности и полноты жизни. Вторая, часто фигурирующая не только в теоретических работах по социологии, но и в соцопросах, акцентирует соотношенность смысла с системой ценностей (что делает жизнь стоящей того, чтобы ее прожить?) Наконец, третья обращает внимание на упорядочивающую роль смыслов, которые придают жизни и познанию цельность. Этот, третий, аспект хорошо осознается всеми упомянутыми науками, однако, отсылая нас к сфере идеи (а вернее, системы идей, объясняющих и организовывающих мир), неизбежно вступает на территорию философии.

Именно философский анализ ярче всего демонстрирует трудность определения, чем является смысл. Как показывают некоторые авторы, поиск смысла редко подчиняется логическим правилам, а потому попытки создать точную дефиницию смысла могут завести в тупик. По выражению Р.Хэпбарна, «жизнь – это не высказывание», и ее нельзя объяснить, исходя из лингвистического контекста [6, 262]. В частности, как бы вопреки упомянутым выше «психологической» и «социологической» парадигмам, философский анализ обнаруживает, что смысл жизни не сводится к ее этической ценности или даже к счастью [16]. Достаточно вспомнить мысленный эксперимент Роберта Нозика: жизнь в виртуальном мире, создаваемом машиной, может быть счастливой, но мало кто решится на нее из-за ее бессмысленности [16, 42–45]. Точно так же, определяя смысл жизни через ее цель, нельзя упускать из виду, что цель эта имеет множественную функцию: она не только аксиологически обосновывает жизнь, а еще делает ее связной и понятной [8, 12].

Перед лицом этих трудностей убедительной кажется инклюзивная оптика, указывающая на то, что смысл – комплексный феномен, включающий в себя сразу несколько факторов и идей. Наиболее ясно инклюзивный подход, как нам кажется, выражен в концепции, которую Джошуа Серчиз предложил назвать амальгамным тезисом [12, 1, 6, 8] и которую в дальнейшем мы будем использовать в качестве инструмента анализа. Этот подход трактует смысл как амальгаму: смысл – не отдельная идея, а сплав нескольких идей и

экзистенциальных ответов, поэтому вопрос о смысле необходимо поместить в более обширную структуру, объединяющую связанные мотивы – прежде всего, экзистенциально значимые для человека.

Таким образом, центральный ответ человека на вопрос о смысле его жизни обусловлен ответами на смежные вопросы и вписан в более глобальный нарратив о мироздании: «смысл жизни – это мировоззрение или метафизические воззрения, обосновывающие сущность нашей жизни», а «познать смысл жизни означает познать действительный метафизический нарратив о жизни в целом» [14, 132–133]. Лишь соотнесенность с общей картиной мира помещает жизнь человека в контекст, где она обретает значимость [12]. И именно здесь следует локализовать те смыслообразующие идеи, которые человек извлекает из доступного ему религиозного и научного объяснения мира и которые использует для построения собственного метафизического нарратива.

Несколько методологических замечаний

Далее мы постараемся показать, что «амальгамный» подход к смыслу не только достоверно отражает смыслообразующие процессы, происходящие на уровне индивидуального мировоззрения, но и объясняет, почему как религия, так и современная наука принимают в них участие. Предметом исследования станет популяция ученых (физиков и биологов), аффилированных в исследовательских институтах Польской академии наук (Институт физики, Институт биохимии и экспериментальной биологии, Центр астрономии им. Н. Коперника), а также в двух крупнейших университетах Польши (Варшавском и Ягеллонском). Выбор наук – физики и биологии – обусловлен их фундаментальным характером, а также историческим влиянием на теологическую и философскую дискуссию о взаимоотношении науки и религии.

Все респонденты занимались в момент контакта эмпирическими исследованиями, что позволило рассматривать науку не только как социальный институт и совокупность знаний, но и как методологию. В целевую выборку вошли 50 ученых (25 физиков и 25 биологов), с которыми были проведены слабо структурированные глубинные интервью, в которых затрагивались взгляды ученых на отношения религии и науки, а также обширный спектр вопросов, связанных с темой сверхъестественного. Именно в таком контексте задавался вопрос о смысле мироздания и человеческой жизни.

Для дальнейшего анализа существенно, что 60% респондентов верили в сверхъестественную реальность (из них лишь 10% не связывали себя с католицизмом), а 36% назвали себя неверующими.

Метафизический нарратив в условиях культурного плюрализма

Ниже будут исследованы нарративы респондентов о смысле жизни и мироздания, а также показаны контексты, не содержащие прямых вопросов о смысле, но вызывающие у респондентов потребность обратиться к этой теме. Как следует из нашего анализа (в полном соответствии с «амальгамным» подходом), размышления польских ученых о смысле встроены в ряд смежных тем. Существенно, что это осознается самими респондентами, которые выражают мнение, что для удовлетворительного ответа на вопрос о смысле необходимо присутствие целостной картины мира – системы антропологических, онтологических и этических объяснений. В то же время часть респондентов отметила отсутствие такой системы как в польском, так и в глобальном культурном пространстве. Ученые, затронувшие эту тему, видят мировоззрение эпохи утратившим экзистенциальные – ценностные и метафизические – ориентиры. Это лишает вопрос о смысле жизни твердых оснований или вообще стирает с повестки дня: *«Эта первая в истории человечества система, которая не предлагает человеку никакой экзистенциальной, эсхатологической позиции»* (неверующий доктор астрофизики, f2).

Свою собственную позицию респонденты видят как альтернативную картину мира массового общества, вытекающую из опыта самостоятельного, в том числе научного, мышления. Этот аспект личного выбора мировоззрения особенно подчеркивается неверующими учеными. Перед лицом отсутствия культурного ответа на вопрос о смысле мира и человека доминирующая институциональная религия (римский католицизм) с ее системой традиционных объяснений переживается ими как недостаточная. Множественность религий, с которыми сталкиваются часто на зарубежных научных стажировках, релятивизирует религиозную картину мира и упоминается как причина утраты веры и сакральной концепции смысла. Все вышеизложенное подтверждает социологический диагноз: несмотря на присутствие в Польше доминирующей религии (римского католицизма), польские ученые ощущают себя частью плюралистической культуры, где сами несут ответственность за построение

мировоззрения из доступной палитры идей, в том числе и научных*.

Амальгамная тема (1): вера и разум

Стремясь вычлениить осевые структуры, организующие «амальгамный» нарратив о смысле, следует обратить внимание на его **религиозную и нерелигиозную** парадигму. Присутствие или отсутствие широко понимаемой религиозности коррелирует с конфигурацией смежных мировоззренческие решений.

Наиболее важным из последних, вероятно, является для респондентов определение достоверного знания. Рядом с эпистемологическим вопросом: **Можно ли принять какое-либо утверждение без доказательств?** стоит этический: **Морально ли принимать что-либо на веру?**

Неверующие ученые, как правило, отвечают на оба эти вопроса отрицательно. Достоверное знание видится как подлежащее верификации на основании эмпирического, повторяемого опыта или же стройных логических аргументов. Рационально-эмпирический, соответствующий научной методологии, подход к правде имеет выраженную этическую окраску: вера без доказательств воспринимается в лучшем случае, как детская доверчивость, в худшем – как самообман. Собственная позиция нередко переживается, как просвещенная «взрослость»: *«Это слишком простой ответ», «дети в детском саду могут поддаваться таким иллюзиям»* (неверующий профессор биологии, b19).

Аргументация неверующих чаще всего имеет агностический характер: смысл (как и Бог) не то, что будто бы не существует, но, как недоказуемый, не может приниматься во внимание. Эта фундаментальная трудность ведет к прекращению поиска:

«Что могло бы придать [мирозданию]смысл? (...)Я уже поставил на этом крест. Тут я приближаюсь к своей агностической позиции: я не говорю, что смысла нет, но его нельзя определить» (неверующий профессор астрофизики, af12).

Та же тема в нарративах верующих ученых акцентируется иначе. К размышлениям о вере и разуме добавляется вопрос: **Насколько важно точное знание лично для меня?** На вопрос об

---

* Хотя ученые-католики склонны принимать христианское мировоззрение «в пакете», также и они используют сложные стратегии, приспособливая религиозный нарратив о смысле к собственным размышлениям на смежные, в частности научные, темы. Ниже мы рассмотрим некоторые из них (ср. также [10]).

этичности принятия некоторых суждений без доказательств верующие респонденты отвечают положительно. Такие утверждения об абсолютном, религиозном смысле мира и человека не только можно принимать, но и следует это делать, поскольку они соответствуют личному опыту осмысленности бытия: *«Мир, в котором есть Бог, так как я это чувствую, полон смысла и красоты. И я от него не собираюсь отказываться»* (верующий габилитированный доктор биологии, f16).

Легко заметить, что в высказываниях верующих респондентов присутствует измерение, которого мы не находим у неверующих: это личный религиозный опыт. Они – тоже по-своему эмпирики, однако к этому опыту не подходят с научным инструментарием. В отличие от неверующих, верующие респонденты принимают двойственную концепцию правды: «мирской», доступной науке, и «небесной», не только не подлежащей верификации человеческим разумом, но и более фундаментальной. Эта, вторая, правда субъективно важнее, чем первая: *«Это для меня важнее, чем рациональное поведение и рациональное объяснение мира. Если говорить на языке физики, то временная шкала тут намного длиннее»* (верующий профессор астрофизики, af15).

Амальгамная тема (2): образ вселенной

Принятие эпистемологического и экзистенциального решения о вере организует также субъективный взгляд на природу: *«Я не говорю, что могу рационально доказать, что была какая-то причина [мироздаия], я знаю, что это не обязательно так. Но я выбираю такую версию, выбираю, что была причина, и все не появилось случайно»* (верующий профессор астрофизики, af16). Такая личная, основанная на выборе оптики, интерпретация природы неоднократно становится элементом нарратива о смысле, который далее опирается на менее точные категории – образы и их эмоциональные оценки. Вопросы, лежащие в основе этих размышлений, можно сформулировать так: **Что «говорит» мне о смысле исследуемый мир? Какое место занимает в этом мире человек?**

Вселенная становится для ученых источником кардинально отличных переживаний. С одной стороны, образ бесконечного космоса, где нет никого, кто слушает человека, может вызывать сильную эмоциональную реакцию [13, 167–168]. Вселенная кажется чуждой, бесчеловечной, а отсюда и лишенной смысла – имеющего лишь

человеческое измерение, сам же человек представляется песчинкой на ее фоне. В этом случае образ вселенной подтверждает ее бессмысленность и укладывается в нерелигиозную парадигму*. С другой стороны, вселенная может восприниматься сквозь призму гармонии и красоты. И хотя такое переживание характерно также для неверующих ученых, лишь верующие трактуют его как подтверждение осмысленности мироздания. Таким образом, религиозная и нерелигиозная оптика формируют противоположные трактовки одного и того же научного мотива:

а) неверующий и отрицающий абсолютный смысл профессор астрофизики: *«Когда смотришь на весь этот ужасный бардак, на сталкивающиеся галактики, взрывающиеся звезды, гамма-всплески и так далее, трудно не задаваться вопросом: а каков, собственно, в этом смысл? Это первый, основной, а второй: что я здесь делаю?»* (af12).

б) верующий и утверждающий осмысленность мироздания профессор астрофизики: *«Когда я смотрю на мир (...) ну, это нечто потрясающее. То, что Вселенная познаваема такими маленькими существами, как мы, которые теснятся на таком осколке, вокруг какой-то провинциальной звездочки в какой-то галактике (...) Эта логика вселенной – для меня это такой знак, что должна быть какая-то более глубокая мысль»* (af16).

Амальгамная тема (3). Детерминизм, случайность, автономия человека

Исследование природы особым образом формирует социальное воображение ученых. Однако осмысление природы порождает и корпус прото-философских, по своему характеру, идей. Одной из важных для польских ученых тем является детерминизм и случайность в природе, а также свобода воли человека. Вопрос, который в самой общей формулировке можно представить так: **В какой степени сущность человека исчерпывается законами природы? Сохраняет ли человек свою автономию по отношению к ним?** – отсылает к философским диспутам времен возникновения науки. Эта тема неоднократно побуждала респондентов заговорить о смысле жизни.

Можно указать на отчетливую тенденцию: смысл – прежде всего абсолютный – переживается учеными как нечто, выходящее

---

* В нескольких случаях он стал одним из первичных факторов, повлиявшим на утрату веры и отрицание абсолютного смысла.

за рамки природной необходимости. Осмысленность придает жизни суверенный контроль над нею (ср. [9]). Смысл, таким образом, связан с утверждением автономии человека по отношению к природе, в то время как мир, в котором все сводится к закономерностям или случайности, оказывается лишенным смысла:

«Мир, в котором все детерминировано, законы известны (...) [в нем] нет свободы воли, мы ведем себя так, как ведем, потому что вынуждены. Потому, что частицы в нашем теле так организованы (...) Зачем он существует? Ну, существует, потому что существует (...) Это образ мира, который для меня просто отталкивающий (...). Но это не согласуется с современной физикой» (верующий профессор физики, католик, f10).

Можно выделить три конфигурации размышлений на эту тему. Абсолютный смысл жизни и мира отклоняют ученые, которые: а) с позиции натуралистического редукционизма (человек исчерпывающе описывается законами природы) отрицают также автономии человека; б) несмотря на свой редукционизм, оставляют за человеком автономию и объясняют ее, исходя из индетерминизма субатомного мира, недостаточности научного знания или просто опыта интроспекции. Обе группы можно отнести к нерелигиозной парадигме. Абсолютный смысл признает третья группа – легко узнаваемый религиозный тип: ученый признает в человеке автономное начало (трансцендирующую законы свободную волю) и внеприродную, «недетерминированную» составляющую мироздания.

Из этого сопоставления следует, что хотя тема автономии человека в природе встроена в нарратив о смысле и спонтанно «всплывает» в разговоре о нем, не она является определяющей. Для признания абсолютного смысла мира и человека необходима вера в какую-либо форму внеприродной реальности, основанная на эпистемологическом решении о возможности принятия некоторых утверждений без доказательств. Это показывает устойчивость религиозной и нерелигиозной парадигм в нарративе о смысле польских ученых.

Амальгамная тема (4). Душа, смерть, эсхатологическая перспектива

Хорошо видно, что «амальгамный» нарратив о свободе воли и природной необходимости организуется не только онтологической, но и антропологической проблематикой. Натуралистический редукционизм в понимании человека неизбежно ставит кантовский

вопрос о субъектности человеческого разума – ставшего предметом исчерпывающего научного описания [ср. 5]. Вопрос: **Сводится ли разум человека к тому, что может описать наука?** естественным образом приводит респондентов к другому: **Есть ли у человека душа?** Вера в душу как сущность, обладающую нравственной субъектностью и вырванную из природных закономерностей свободой воли, – очередная постоянная составляющая религиозной парадигмы*. В свою очередь, вопрос о душе связан со смежным вопросом: **Есть ли жизнь после смерти?** В этом случае прослеживается устойчивость религиозной и нерелигиозной парадигмы. Верующие ученые исходят из непреходящего характера своей экзистенции, в основном определяя смысл посредством эсхатологической перспективы (например, как духовный рост или земную работу, приближающую спасение души, исполнение своего призвания на земле и др.). Неверующие отрицают жизнь после смерти и абсолютный смысл, замещая его, в основном, «малыми», повседневными смыслами.

«Малые», гедонистические и альтруистические, смыслы

Респонденты разделяют абсолютный и земные смыслы (в других формулировках: «*метафизический*» и «*практический*» – a12, «*требующий размышлений*» и «*повседневный*» – a12, «*большой*» и «*малый*», «*на бытовом уровне*» – b17). Хотя ценность «малых» смыслов признают и верующие ученые, нарратив о них развивают преимущественно неверующие. При этом ключевым оказывается ответ на нравственные вопросы: **Морально ли жить для собственного удовольствия? Есть ли у человека обязанности перед другими?**

Можно четко различить две основные группы «малых» смыслов – гедонистическую и социальную. И те, и другие встречаются в одном мировоззрении, поскольку на оба вопроса ученые обычно отвечают положительно: человек должен жить для себя, но и быть полезным другим. «Малые» смыслы типично обосновываются данными эволюционной психологии, социобиологии и других наук.

Гедонические смыслы объясняют, в соответствии с необходимостью удовлетворения потребностей человека, приумножения его витальных сил, самореализации, наслаждения или счастья. Они близки к психологическому пониманию смысла как ощущения полноты жизни:

---

* Эта вера была присуща также религиозным ученым, не исповедующим католицизма.

«Это дает ответ на вопрос о смысле (...) Мы очень сложные организмы, со сложной нервной системой, которой нужны очень разные, сложные, стимулы. Поэтому то, что нам приносит радость и удовлетворение, имеет разные формы – это может быть любовь, семья, деятельность на пользу общества, образования, для науки, творчество и восприятие искусства и культуры» (неверующий профессор биологии, bf4).

В свою очередь, **социальные смыслы** основаны на необходимости несения помощи людям, завершения важных для них дел (в частности, научных), воспитания детей:

«Смысл такой, чтобы что-то в этой жизни сделать, и мне кажется, что я что-то там сделал в жизни (...) Если что-то после человека останется, хорошо. Какие-то там публикации хотя бы (...) А в личном отношении, так то, что есть дети, это тоже какой-то смысл» (верующий профессор физики, не католик, f20).

Выводы

Выше мы привели несколько взаимозависимых контекстов, содержащих тему смысла. На основании сказанного попытаемся сформулировать некоторые выводы группы польских физиков и биологов относительно смыслообразующих процессов на стыке науки и религии.

Мы показали, что тема смысла жизни и мироздания вписана в ряд смежных тем, что соответствует «амальгамной» концепции смысла. В исследуемой популяции эти темы касались следующих вопросов: *Можно ли принять какое-либо утверждение без доказательств? Морально ли принимать что-либо на веру? Насколько важно точное, верифицированное знание лично для меня? Что «говорит» мне о смысле исследуемый мир? Какое место занимает в этом мире человек? В какой степени сущность человека сводится к законам природы? Сохраняет ли человек свою автономию по отношению к ним? Есть ли у человека душа? Есть ли жизнь после смерти? Есть ли у человека обязанности перед другими? Нравственно ли жить для собственного удовольствия?* Большая часть ответов на эти вопросы была связана с естественнонаучной тематикой и размышлениями о вселенной, однако некоторые являлись осевыми – организующими другие. Таков был, как нам кажется, вопрос о природе достоверного знания, позволяющий принять или отклонить Абсолют, абсолютный смысл жизни, душу или

жизнь после смерти, которые имели для респондентов одинаковый эпистемологический статус.

Решение эпистемологического вопроса организовывало религиозный и нерелигиозный нарратив о смысле, причем обе конфигурации обнаружили у респондентов устойчивые свойства. Так, ученый-католик, в основном, признавал абсолютный смысл мира и человека, рассматривая его в эсхатологических, религиозных категориях, и считал, что существует недоступное для рационально-эмпирической верификации знание, видел смысл в красоте и гармонии мира, осмысленность и автономность в действиях человека. Нерелигиозный ученый из агностических соображений отрицал абсолютный смысл и выдвигал на первый план «малые» – гедонистические и социальные – смыслы. Достоверным было для него знание, обоснованное рационально и эмпирически. Красота мира и свободная воля человека, если и признавались, не интерпретировались в категориях абсолютного смысла, а осмысленность жизни строилась на объясняемых нередко фактами науки – гедонистических и социальных ценностях.

Можно, далее, сделать вывод, что польское общество имеет типичные черты современной плюралистической культуры с ее множественной «правдой», однако сохраняет и католическую систему смыслов, которая оказалась значимой для большей части ученых. При этом существенно, что хотя ученые-католики склонны к целостному восприятию этой системы, адаптация ее связана с усилием, направленном на согласование религиозных положений с индивидуальными размышлениями, в том числе на научные темы. Неверующие ученые также прилагают усилия, конструируя мировоззрение самостоятельно и в равной степени используя научный контент. Таким образом, размышления ученых о смысле связаны с мировоззренческой работой, направленной на поиск ответов на смежные вопросы. Такое индивидуальное усилие по построению удовлетворительной картины мира типично для общества поздней современности.

Определенные обобщения можно сделать в отношении секуляризирующего влияния научной деятельности на мировоззрение ученых. Мы видели, что научный контент может обосновывать противоположные тезисы в религиозных и нерелигиозных нарративах о смысле. Его роль, вероятно, зависит от «амальгамной» конфигурации, в которую он встроен. Это указывает на отсутствие

секуляризирующего действия непосредственно науки, которая скорее усиливает действие других факторов, чем является ключевым фактором сама. Можно предположить, что основные «амальгамные» решения приняты респондентом еще до начала научной деятельности, однако для подтверждения этой гипотезы необходимо биографическое исследование.

Наконец, следует обратить внимание на особые – не обсуждаемые в статье – случаи размывания границ религиозной «амальгамы» под воздействием науки и/или религиозной памяти. Можно предположить, что эти случаи были связаны с неокончательным характером ответа на некоторые смежные вопросы, часть которых оставалась без ответа. Такие мировоззрения характеризовались нестабильностью, динамичностью и открытостью, а нередко и экзистенциальным драматизмом. При этом наука также играла роль усиливающего фактора, снабжая данными, нуждающимися в осмыслении и умножая сомнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Baggini J.* What's It All About? Philosophy and the Meaning of Life. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
2. *Berger P., Luckmann Th.* Modernity, Pluralism and the Crisis of Meaning: The Orientation of Modern Man. – Gütersloh: Bertelsmann Foundation Publishers, 1995.
3. *Berger P.* The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion. – New York: Anchor Books, 1995.
4. *Geertz C.* Religia jako system kulturowy // E. Mokrzycki (ред.), Racjonalność i styl myślenia. – Warszawa: IFiS PAN, 1992. – С. 498–554.
5. *Habermas J.* Zwischen Naturalismus und Religion. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005.
6. *Hepburn R.W.* Questions about the Meaning of Life // Religious Studies. – № 1: 02. – 1966. – С. 125–140.
7. *Hervieu-Léger D.* Religion as a Chain of Memory. – New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 2000.
8. *Metz T.* Meaning in Life: An Analytic Study. – Oxford, Oxford University Press, 2013.
9. *Nielsen K.* Linguistic Philosophy and ‘The Meaning of Life’// The Meaning of Life, E. D. Klemke (ред.). – New York: Oxford University Press, 1981. – С. 177–204.
10. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. – New York: Basic Books, 1974.

11. Rogińska M. Relacje nauki i religii: strategie światopoglądowe polskich przyrodników // *Studia Religiologica*. – №48:1. – 2014. – С. 83–99.
12. Searchis J. The Meaning of Life as Narrative: A New Proposal for Interpreting Philosophy's «Primary» Question // *Philo*. – №12:1. – 2009. – С. 5–23.
13. Smith Ch. Why Christianity Works: An Emotions Focused Phenomenological Account // *Sociology of Religion*. – №68:2. – 2007. – С. 165–178.
14. Thomson G. On the Meaning of Life. – South Melbourne: Wadsworth, 2003. – С. 132–33.
15. Weber M. Szkice z socjologii religii. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1995. – С. 127.
16. Wolf S. Meaning in Life and Why It Matters. – Princeton: Princeton University Press, 2010.

Рогінська М.О. Сенс світу і людини. Наука і релігія у метафізичному нарративі польських учених.

Стаття присвячена соціологічному розгляду змістотворних процесів, що відбуваються на стику науки і релігії в сучасному природничонауковому співтоваристві Польщі. На матеріалі 50 глибинних інтерв'ю з польськими фізиками і біологами показано «амальгамний» характер конструйованого ними нарративу про сенс світобудови і людського життя. Питання про сенс вимагає формулювання суміжних питань, відповіді на які в досліджуваній групі залучують науковий або релігійний контент. Нам вдалося виділити дві стійкі – нерелігійну та релігійну – «амальгами» таких відповідей.

Ключові слова: фізика, біологія, наука, релігія, сенс, глибинні інтерв'ю.

Roginskaya M.A. Смысл мира и человека. Наука и религия в метафизическом нарративе польских ученых.

Статья посвящена социологическому рассмотрению смыслообразующих процессов, протекающих на стыке науки и религии в современном естественнонаучном сообществе Польши. На материале 50 глубинных интервью с польскими физиками и биологами показан «амальгамный» характер конструируемого ими нарратива о смысле мироздания и человеческой жизни. Вопрос о смысле требует формулировки смежных вопросов, ответы на которые в исследуемой группе включают научный или религиозный контент. Удалось выделить две устойчивые – нерелигиозную и религиозную – «амальгамы» таких ответов.

Ключевые слова: физика, биология, наука, религия, смысл, глубинные интервью.

Roginskaya M. Meaning of universe and human life. Science and religion in the metaphysical narrative of the Polish scientists.

This article proposes a sociological analysis of the meaning-making

processes that occur at the intersection of science and religion in the modern scientific community in Poland. On the material of 50 in-depth interviews with Polish physicist and biologists we show an «amalgam» character of their narrative about meaning of universe and human life. The problem of meaning demands answers onrelated questions, which in the studied grouping volve some scientific and religious content. It is possible to identify two stable «amalgams» of such responses – the religious and non-religious ones.

Key words: physics, biology, science, religion, meaning, in-depth interviews.